

В Московском театре на Красной Пресне открылась лаборатория современной драматургии. Уже состоялись чтения и обсуждения пьес Михаила Угарова, Марии Арбатовой и Елены Греминой.

Драматурги, как известно, сочиняют пьесы. Нормальные люди их не читают. Разве что режиссеры, да и те предпочитают ставить «Короля Лира», «Женитьбу» или «Дядю Ваню». А что делать живому автору, особенно, не дай Бог, молодому? Завлит в лучшем случае скажет: «Пьеса, знаете, неплохая, но нам не подходит. Куда порекомендовать обратиться? Не знаю, впрочем, можете попробовать в театр ХХХ». (И при этом назовет театр, уже приславший ему «свой кадр»)...

Однажды пришел в литчасть Московского театра на Красной Пресне молодой человек, миниатюрный, смуглый, с черными, как антрацит, волосами. Робко спросил, не посмотрю ли я его сценарий.

— Вы принесли сценарий для нашего театра?

— Нет. Просто мне сказали, что к вам — можно, вы — прочтаете.

Пока я читала, он, прихрамывая, нервно ходил по фойе и курил. То была его первая проба в драматургии. Жил он в Ростове-на-Дону, играл на саксофоне в ночном варьете. В Москве ему жить негде, поэтому пьесу надо прочесть сразу, и он уедет в свой Ростов.

Называлась она «Брейдж-мен». Жанр автор обозвал suspense — состояние беспокойства, тревожное ожидание. Разыгрывается как хепнинг. Зрители сажают в автобус и долго везут, а потом ведут в неизвестном направлении. Перед ними разыгрывают смертельный сюжет с психушкой на фоне кинофрагментов, мороженого и тотализатора: кто из действующих лиц будет убит прямо тут же, у всех на глазах. Я думаю, что режиссер на постановку вряд ли бы нашелся, но сразу было видно, что автор знает жизнь, роскошно владеет словом и просто талантлив. Помочь ему я не могла, кроме банального совета продолжать писать. «Можно, я напишу вам письмо?» — спросил он и уехал в Ростов. Потом пошли письма — фантастический поток лирики, ирония, забавных наблюдений. Случались некоторые по-

грешности в грамматике. Ему явно стоило ехать в Москву учиться. Так он и сделал. С ходу поступил на сценарный факультет ВГИКа, а через год поступил еще раз — на Высшие сценарные курсы, в мастерскую Лукина. Тогда же Театр на Красной Пресне заказал ему пьесу, и он написал «Мою маленькую графиню».

Когда я увидела его впервые, это был сснительный провинциал. Он ходил с палкой, на вопрос, что с ногой, отвечал: неудачно прыгнул. О том, что девятнадцатилетним мальчишкой прошел Афган, никогда не говорил. Даже при поступлении в институт.

Теперь это уверенный в себе дра-

дистанция от первого, Александра Николаевича, до второго, Николая Александровича. Как писал Чернышевский, «положение нашей литературы способно возбудить сожаление в самом апатическом человеке. Не торопитесь же осуждать русского писателя: о, если б вы знали, как неблагоприятны для развития его таланта обстоятельства и отношения, в которых он действует, вы подивились бы не бессилию, а силе его; вы подивились бы не тому, что он идет медленным и колеблющимся шагом, а тому, что он еще хотя как-нибудь идет... Вы виновны в жалком положении русской литературы: от вас она ждет и все еще не может до-

# «ТРЕТИЙ КЛАССИК» И ДРУГИЕ

## (АВТОПОРТРЕТ ЗАВИТА НА ФОНЕ АВТОРОВ)

матург Геннадий Островский. Его рассказы печатаются в «Столице» и газете «Дом кино», по его сценариям сняты фильмы, один из которых получил специальный приз фестиваля в Германии. Внешне он мало изменился, только взгляд уже другой, не столь беспокойный. Островский знает себе цену. Трудно поверить, что это он три года назад злился, что его не читают, что завлиты плюют на неизвестных авторов. Я очень хотела помочь ему, звонила в редакцию, собирала у себя дома режиссеров, литераторов — знакомиться с ним, послушать его прозу, сценарий. Читал он великолепно, с удовольствием. Критики не переносил. Он сам знал, что и как надо.

Мои приятели хвалили, пытались опубликовать, но не получалось: еврейская тема, жестокость погромов, разгул шовинизма. В восемьдесят девять про это было нельзя. Про себя мы прозвала его Третий классик. За фамилию: два Островских в отечественной литературе уже есть. И какая

ждаться нравственной поддержки. Ведь литература бывает сильна только тогда, когда опирается на публику, — а наша публика оставляет ее на произвол судьбы».

Эти разгневанные слова написаны в середине прошлого века — века расцвета русской литературы. Чернышевский не доволен читателем, но каков был уровень литературной критики! Какие выходили журналы! С нашим временем и сравнивать нечего (вместо «Современника» — «Наш современник»). Молодому писателю без имени трудно увидеть свое произведение напечатанным. Так пусть драматург хотя бы услышит, как звучит его текст.

Когда-то ходил анекдот — старый, киношный. Про «Мосфильм» с его бесконечными коридорами. На одном этаже по ним бегают несчастные авторы в поисках режиссера, который поставит их сценарий. А на другом — режиссеры с криком: «Где авторы? Нечего же снимать!» В театре ситуация

схожая. Печатаются, кроме «Современной драматургии» и «Театра», в общем, негде. Недавно рожденные «Сюжеты» могут опубликовать около десятка пьес за год, а «Взгляд»ские издания в мягком переплете — где они? Как театру получить новую пьесу, ведь известно, что в толстых журналах типографский цикл безразмерный? Не раз слышала от режиссеров, особенно на периферии, что ставить нечего. Иногда завлит спросит, кого из современных авторов советую почитать. Называю имена и вижу, что Михаила Угарова из Вятки, москвичку Елену Гремину, Елену Поддубную из Екатеринбурга почти не знает. А про Анастасию Дьяченко из Севастополя в Москве вообще не слышали. В недавнем прошлом офицер флота, сегодня он руководит севастопольским центром молодой драматургии. В 91-м году провел фестиваль молодой драматургии Крыма, на котором его пьеса и была признана лучшей. Пишет он обычно для двух, трех актеров.

Короче говоря, пьесы есть. Режиссеры тоже. Надо только, чтобы вторые знали о первых, чтобы они встретились. Московский театр на Красной Пресне, строящий свой репертуар в классике, перед живыми авторами в долгу. И я лично готова этот долг отдавать, не дожидаясь, пока молодые драматурги станут мертвыми классиками. Пусть они сегодня приходят к нам и читают свои шедевры. И, если захотят, пусть слушают, что мы про них думаем.

Года полтора я носилась с идеей по инстанциям, пока не появилась, что все зависит от меня самой, и нужны мне только те, кто хочет слушать (читать же захотят многие авторы, в этом я не сомневалась). Так и родилась эта лаборатория. А может, салон? клуб? Названия еще не утвердили, но поскольку мы не заявлены как официальная структура, можем жить и без названия. А похожи мы на клуб и на салон (разговор о театре за чашкой чая, иногда — скрипка или гитара). И — на семинар. У нас есть некоторая жизненная программа и ядро участников: Елена Гремина, Мария Арбатова, Михаил Угаров, Ольга Михайлова. К ним могут присоединиться прочие желающие. Главное — захватить новую, не изданную и не поставленную пьесу (для авторов). Для остальных — просто не испортить компанию.

Светлана НОВИКОВА.

Мне до сих пор не читали...  
и я тоже не читала...  
Красная Пресня